

Однажды мне попались в одном из архивных дел ОГПУ СССР странички о неких Стоговых. А потом «всемирная паутина» выдала информацию, что генерал Стогов имеет непосредственное отношение к городу Белеву, который издревле состоит в составе тульских земель. Интересно. Я попробовал реконструировать события почти что вековой давности.

1923 год. Город Париж

— Николай Николаевич, рад вас приветствовать на французской земле! — С напускным доброжелательством произнес генерал Лукомский, подавая руку своему собеседнику. Шатен, сорока лет, среднего роста, с коротко стриженными и зачесан-

ними назад волосами, но уже с легкими признаками будущей лысины. Лицо гладкое, бритое. Пиджак модный, двубортный, серого цвета.— Как поживаете?

— Господин генерал-майор, вы хотите от меня услышать то, что уже знаете? Извольте! — ответил Стогов, стесняясь своего чесучового мятого наряда. В отличие от своего «визави» он носил небольшую бородку и усы, модные во времена Николая II. Легкие мешки и синяки под глазами говорили или о нездоровых почках или о бессонных ночах. Впрочем, одно могло сопутствовать другому.

— Не горячитесь, господин генерал-лейтенант, это — неизбежная и обязательная процедура. Я лично вам — боевому офицеру — всемерно доверяю. Но французская контрразведка не доверяет нам, русским. А деньги на наше содержание выделяет их правительство... — Лукомский засмеялся.— Можно подумать, что мы не сможем откусить от этого пирога на личные нужды.

Он закурил ставшую тогда модной сигаретку, пришедшую из Северной Америки.

— Во-первых, прежде чем стать генерал-лейтенантом Генерального штаба, я после окончания Николаевского кадетского корпуса и Константиновского артиллерийского училища прошел практически все ступеньки военной карьеры,— начал рассказывать Стогов.— На войне награжден Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия. В конце семнадцатого года командовал Юго-Западным фронтом. Нужны подробности?

— Нет, не нужны. Я знаю все о вашей службе.

— Тогда зачем спрашиваете? — повысил голос Стогов.— Догадываюсь, что вас более интересует, где я был в восемнадцатом году. Так вот, в январе я вернулся с фронта в Москву. С мая по август был в рядах Красной армии.

— А почему вы пошли на службу к большевикам?

— Мне было любопытно узнать, какова она, эта новая власть.

— С Троцким встречались?

— А как же! Это он назначал меня на должность начальника Генерального штаба Красной армии.

— Ваше мнение о нем?

Стогов засмеялся:

— Сразу отмечу, что не было никаких проблем с его национальностью. В нашем белом движении пытались использовать антисемитские мотивы, агитируя в Красной армии, но успеха не добились. Как рассказывали, один казак, когда его упрекнули, что он служит и идет в бой под началом жиды Троцкого, горячо возразил: «Ничего подобного! Троцкий не жид. Троцкий боевой!.. Наш... Русский... А вот Ленин — тот коммунист... жид, а Троцкий наш! Это одна из самых заметных личностей среди большевиков. После господина Ленина. По моей информации, сейчас у него со Сталиным началась внутривластная ссора. Я не знаю Сталина, но уверен, что Троцкий для нас более опасен. Их грызня нам только на пользу. Личность неординарная. Сверхамбициозная и упрямая. Ведь только благодаря его усилиям, человека, ни дня не служившего в армии, большевикам удалось создать свои вооруженные силы.

Лукомский удивился:

— Что вы имеете в виду?

— Вспомните, что весна и лето восемнадцатого года были для большевиков из ряда вот тяжелейшим временем. Все рассыпалось. Разоренная, разрываемая противоречиями страна истощена. Как поддержать новый режим и спасти свою независимость? Продовольствия нет, армии нет! Железные дороги не функционируют. Всюду заговоры против новой власти.

— Да, да, я помню,— согласился Лукомский.— Немцы захватили Польшу, Литву, Латвию, Белоруссию и значительную часть Великороссии. Украина — австро-венгерская колония. На Волге — чехословацкий мятеж. Действительно, просто удивительно, как уцелели большевики...

— Согласен. Удивительно,— кивнул головой Стогов,— но объяснимо. Троцкий прибыл на Волгу, когда пала Казань. Если говорить образно, у красных «почва была заражена паникой». Уже открывался путь на Нижний Новгород, а оттуда — на Москву. Но Троцкий смог вызвать из глубин России тысячи коммунистов. Да, они не владели оружием, но хотели победить, во что бы то ни стало. Они влили в загнивающую армию новые идеи, новые «соки».

— Николай Николаевич, идеи идеями, но война принадлежит профессионалам!

— Троцкому просто повезло. В то время на большевистском Восточном фронте находился полковник Вацетис.

— Это тот, что командовал дивизией латышских стрелков? — уточнил Лукомский.

— Совершенно точно, он. Это была в то время единственная боеспособная часть, сохранившаяся от старой армии.

— Почему? — не понял собеседник.

— Все просто. В дивизии были латышские батраки, рабочие, крестьяне-бедняки. Они ненавидели балтийских баронов. Вот эту ненависть использовала наша власть в войне с немцами. Латышские полки были лучшими в нашей прежней армии после пятнадцатого года. Так вот, после Февральского переворота они почти что все пошли за большевиками и в октябрьском перевороте сыграли большую роль. Шестого июля в восемнадцатом, в день мятежа левых эсеров, вообще были главной силой, разогнавшей этих политических авантюристов.

— А сейчас?

— Не знаю.

— Поговаривают, что Троцкий собирался сместить Вацетиса?

— Всякое говорят. Говорят, что он стал профессором советской Военной академии. Бог с ним! Мы все выбираем свой путь.

— А почему вас обласкал Троцкий?

— Ничего удивительного. Вы же знаете, Лев Давидович смог привлечь на сторону новой власти практически половину старших и высших офицеров Генерального штаба. И не только Генерального штаба. Я был в их числе. Его императорское величество своим отречением освободил нас от данной ему присяги. Хотелось чего-то нового, свежего. Но все обернулось насилием и кровью...

— Тем не менее...

— В то же время с вехом генерала Алексева я активно участвовал в подпольной деятельности Национального центра и вместе с полковником Ступиным возглавлял Добровольческую армию Московского района.

— Чай, кофе, Николай Николаевич? — Лукомский вопросительно посмотрел на Стогова.

— Если не трудно, чай.

Лукомский подошел к чайному столу, положил в заварной чайник щепотку черного чая и залил ее кипятком из урчащего самовара. Подождав несколько минут, он налил чай в широкую, расписанную под китайских мастеров чашку и подал ее Стогову.

— Благодарю вас, генерал, — кивнул Николай Николаевич и продолжил:

— Потом из красного Генерального штаба меня перевели в государственный архив. Допрашивали в ЧК, отпустили. А в начале девятнадцатого года во время ареста руководителей Национального центра я бежал из Москвы. В ноябре с большим риском перешел линию фронта и явился к генералу Деникину. Был сразу же назначен начальником по созданию укрепленной позиции в районе Ростова. А двадцать девятого декабря стал начальником штаба Кубанской армии. После ее отступления на черноморское побережье в марте двадцатого с частью войск прибыл в Севастополь.

— Как вы себя чувствовали вблизи барона Врангеля?

— Никак. Мы занимались разными делами.

— Да, да, я знаю. Вы все рассказали, как на допросе в ЧК.

— Вы совершенно правы, господин генерал-майор. Точно также я говорил на допросе у чекистов. Только они про Национальный центр ничего не услышали. Потому и выпустили меня на волю, предъявить нечего. Кстати, господин генерал, среди них тоже есть люди разные. Есть и изверги, есть и высокие интеллектуалы.

— Да, Николай Николаевич, биография у вас, можно сказать, безупречная,— примирительно сказал Лукомский.— По словам барона Врангеля, подобно адмиралу Кедрову, вы, генерал, оказались на высоте положения во время эвакуации из Крыма в ноябре двадцатого.

— Тут, в Париже, ходит много суждений о том времени. Особенно среди тех, кто там, в Крыму, не был,— пожал плечами Стогов.— Но у меня создалось впечатление, что Петр Николаевич с первых дней своего правления в Крыму готовился его сдать.

— Я не совсем вас понимаю! — удивился Лукомский.— Барон Врангель...

— Я прибыл в Крым в марте. В конце мая был назначен комендантом Севастополя и командующим войсками тылового района. И, естественно, я был ознакомлен с секретными апрельским приказом, номер его не помню.

— Неважно,— отмахнулся собеседник.

— Так в том приказе было написано, что... могу быть не точен... «Соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж для перевозки в случае необходимости шестидесяти тысяч человек в Константинополь». Вот так-то! Это в апреле!

— Не знал, не знал об этом,— покачал головой Лукомский.

— Барон Врангель — личность, несомненно, выдающаяся, но одновременно неоднозначная и противоречивая. Я обязан ему за то, что он пригрел меня в Крыму. Но со многими его поступками в то время не согласен. Я предан Белому движению, но никогда не буду оправдывать те грабежи и насилие, которые наша армия творила в Крыму. При полном попустительстве Верховного главнокомандующего барона Врангеля. Тогда Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше наgrabить и сесть на судно. Во главе гарнизона стояли лица старого режима. У них все сводилось к тому, чтобы отписаться начальству, они не могли справиться с наступившей разрухой. А барон, можно сказать, был отчасти позером.

— Что вы имеете в виду?

— Перед самой погрузкой на пароход генерал-лейтенант Врангель вышел из дверей гостиницы, одетый в серую офицерскую шинель с отличиями Корниловского полка. До этого он не снимал черную черкеску. За ним — его штаб, в том числе и я. Обходя фронт, генерал остановился перед атаманцами и обратился к ним со ставшими теперь историческими словами: «Орлы! Оставив последними Новочеркасск, последними оставляете теперь и русскую землю. Произошла катастрофа, в которой всегда ищут виновного. Но не я, и тем более не вы виновники этой катастрофы; виноваты в ней только они, наши союзники». И генерал прямо указал на группу военных представителей Англии, Франции и Италии, стоявших неподалеку от него. «Если бы они вовремя оказали требуемую от них помощь, мы уже освободили бы русскую землю от красной нечисти. Если они не сделали этого теперь, что стоило бы им не очень больших усилий, то в будущем, может быть, все усилия мира не спасут от красного ига. Мы же сделали все, что было в наших силах в кровавой борьбе за судьбу нашей родины... Теперь с Богом! Прощай, русская земля».

— Да, Николай Николаевич,— согласился Лукомский.— Барон явно хотел остаться в истории государства российского. Позерство Петру Николаевичу свойственно.

— А о противоречиях Врангеля с Великим князем Николаем Николаевичем я знаю. И буду на стороне последнего,— категорически произнес Стогов.

— Вот и отлично, Николай Николаевич. В эмиграции вы проживали в Земнуне, в Сербии, а затем переехали в Париж, где поступили рабочим на завод...

— Вы все знаете, — вспыхнул Стогов. — Зачем спрашиваете?

— Я хочу предложить вам сотрудничество при Великом князе Николае Николаевиче.

— Я согласен.

— А что с вашей семьей, господин генерал-лейтенант?

Стогов помрачнел.

— Ничего не знаю. Только одно известно, что в девятнадцатом в Москве расстреляли мою жену. За что? Я этого тоже не знаю. Она поехала в первопрестольную искать нашего сына. А я уже был в бегах... — Стогов обреченно махнул рукой. — О судьбе дочерей тоже ничего не известно.

1923 год. Город Белев, Тульская губерния

— Стогова Екатерина Николаевна, родились 21 октября 1895 года. Проживаете в городе Белеве на Монастырской улице в доме Василькова. Дворянка, дочь генерала. Девица. Беспартийная. До Белева проживали в Гельсинфорсе, в Петрограде при родителях? В мае 1917 года вы выехали в Москву и с октября 1919 года находитесь в Белеве. Вы не судимы?

— Зачем в который раз спрашиваете, если вам все известно? — устало спросила русоголовая барышня лет двадцати, одетая в темно-серое платье со стоячим воротником «под горло». Ее голубые глаза внимательно смотрели на следователя.

— Так положено, — категорически ответил уполномоченный отдела ОГПУ в городе Белеве Леша Киреев, двадцати лет от роду, румяный от природы. Имея за плечами четыре класса церковно-приходской школы, он был абсолютно уверен в своей правоте. Час назад эту правоту подтвердил его начальник, поручив ему впервые допрос классово чуждого элемента. — Я правильно изложил ваши данные? Где ваша сестра?

— Успокойтесь и не нервничайте, господин чекист.

— Гражданин...

— Гражданин. Не возражаю.

— Еще бы! Так что вы можете рассказать на мои вопросы?

— Моя сестра Надя уехала в Москву в среду на второй неделе после поста. Она намеревалась продать две ценные иконы, принадлежащие нам лично. Причем сестра намеревалась продать иконы именно в Москве, потому что там можно продать дороже. И пообщаться с сестрой Ольгой, чтобы попытаться узнать о судьбе арестованных мамы и нашей сестры Татьяны.

Надежда по почте прислала мне письмо, в котором сообщила, что свидание с Татьяной получится. Его обещали дать через неделю. Вчера, четырнадцатого марта, я получила второе письмо по почте, в коем она сообщила, что за иконы ей дали очень дешево. То есть только по одному миллиону. На обратном пути из Москвы она заедет в Тулу и остановится у наших знакомых — в семье Ускова Константина Михайловича. В Белев она придет в пятницу шестнадцатого марта или во вторник.

— Назовите адрес Ускова.

— Обуховский переулок, дом номер семь. От сестры мы получили три письма. Причем два из них написаны на нашу квартиру, а одно — на квартиру наших соседей Веденских с передачей Надежде Николаевне. Без фамилии.

— А ваш отец?

— Во время германской войны мой отец генерал Николай Николаевич Стогов все время находился на фронте. Мы же, дети вместе с нашей мамой Екатериной Тихоновной проживали в Петрограде. С восемнадцатого года вся семья наша перебралась

в Москву, так как папа был назначен на службу в Москву. Кажется, во Всероссийский главный штаб в качестве начальника. Мы проживали на Смоленском бульваре в доме номер восемнадцать. В особняке. В Петрограде у нас осталась квартира с обстановкой. Мы ее не взяли в Москву, предполагая, что там мы будем жить временно. В этом же году папа был переведен в какой-то военный архив. В какой, не знаю. В конце восемнадцатого года мой отец был арестован.

— А вот об этом, Екатерина Николаевна, расскажите подробно.— Следователь Киреев оторвал от четвертушки газеты клочок бумаги, насыпал на него щепотку махорки, соорудил самокрутку и прикурил ее от спички. Затянулся, но тут же зашелся в сиплом кашле. Заметив, что допрашиваемая с удивлением и сочувствием смотрит на него, Алексей обреченно махнул рукой, вытер рукавом выступившие на глазах слезы и затушил самокрутку в массивной стеклянной пепельнице.

— Я не знаю, за что именно его арестовали, а равно не знаю, кто арестовал. Он сидел в Бутырке недели две, а потом был освобожден. Вторично мой отец был арестован, кажется, в начале девятнадцатого года. Причем, как в первый, так и во второй раз у нас в квартире были произведены обыски. Кем именно, я не знаю. После второго ареста отец снова был направлен в Бутырскую тюрьму, а потом в какой-то лагерь, откуда он иногда посещал нашу квартиру. Таким образом, он просидел в заключении месяцев пять. Припоминаю, что в девятнадцатом году, кажется, в августе месяце, мой брат Николай отправился за продуктами для больной сестры к знакомым Щепкиным, проживающим в Неопалимском переулке, откуда почему-то долго не возвращался. А потому за ним пошла мама, которая, как мы узнали приблизительно недели через две от вернувшегося из тюрьмы Николая, была арестована вместе с ним. После этого мама не вернулась. Сестра Татьяна ходила справляться о ней на Лубянку, но там ничего не говорили. В день ареста мамы папа был у нас дома, но после этого не приходил ни разу. После того, как расстреляли маму, мы, то есть сестры Татьяна, Надежда, Ольга, я и брат Николай, поехали к тетке, папиной сестре Лукерье в Белев под фамилией Санины. Это девичья фамилия мамы.

— Кто придумал смену фамилии? — Киреев пытливо смотрел на допрашиваемую.

Стогова пожала плечами и тихо ответила: — По чьей инициативе мы сменили фамилию, я не помню. То ли Татьяны, то ли нашего дяди. Не помню. У дяди под новой фамилией мы прожили до двадцать первого года. А после этого снова стали жить под фамилией Стоговы. Почему Таня решила вернуть фамилию, точно не знаю.

В конце двадцать второго года мой брат Николай ездил в Петроград и в Москву устраиваться учиться. Попутно он навел справки о папе.

— У кого?

— О нем удалось узнать от мужа моей сестры Тани Иванишева Герасима Дорофеевича, проживающего в настоящее время в Москве и служащего в Московском географическом обществе.

— Где живет?

— Точного адреса не знаю. Поясню, что приблизительно через неделю или две после ареста мамы один из наших знакомых Бениваленский Валентин Ефимович...

— Его адрес?!

— Не повышайте на меня голос. Мне и так трудно говорить. Он проживает в Москве, угол Смоленского бульвара и Пречистинки в большом доме в квартире номер сто или сто с чем-то. Бениваленский сказал, что папа советовал нам все распродать и передал от него восемь тысяч денег. С ним общалась сестра Надя. Валентин Ефимович рассказал, что встретил папу в концентрационном лагере под Петроградом. Папа оттуда сбежал и приблизительно с месяц проживал на станции Сходня у нашего родственника Крымова Дмитрия Васильевича.

— Под какой фамилией он жил?

— Не знаю.

— Откуда все это вам известно?

— Это рассказал Николаю сам Крымов. Он живет в настоящее время в городе Богородицке и служит учителем. С его слов папа со станции бежал в Крым к белым. Сестры между собой говорили, что он бежал в Константинополь.

— А они от кого это узнали?

— Не ведаю, ей-богу! После этого, вплоть до сообщения Иванищева, никаких сведений мы о папе не получали. Никаких весточек от него не было. С Крымовым мы не переписывались. Только Николай один раз с ним встретился. Не так давно от жены Крымова Лидии Владимировны мы через Николая действительно получили двести миллионов рублей. Но... по нынешним временам эта сумма — крохи.

1923 год. Город Париж

Генерал Лукомский внимательно смотрел на Стогова. И, когда молчаливая пауза затянулась, он произнес:

— Господин генерал, Николай Николаевич, не обижайтесь. Я лично вам верил и верю сейчас. Но приходится соблюдать этот формальный ритуал.

— Да все я понимаю,— отмахнулся Стогов.— Что вас еще интересует?

— Больше ничего. Только личное любопытство. Честно говоря, не знал, что вы — уроженец Белева. Казалось, что вы — москвич или петербуржец.

— Я — наследственный дворянин,— Стогов рассмеялся.— Господин генерал, вы не первый, кто так думал. Уж до чего пронизателен генерал Брусилов... Преклоняюсь перед его полководческим гением!

— Я тоже,— Лукомский внимательно посмотрел на собеседника.— А вас не смущает, что он перешел на сторону большевиков и активно сотрудничает с ними?

— Я — идейный сторонник Белого движения, но знаю одно. Он — честный и порядочный человек. Для меня этого достаточно. Его поступки — дело его убеждений. И я его не осуждаю.

— Извините, Николай Николаевич, а за что вы в марте пятнадцатого получили офицерский орден Святого Георгия? Не всем его давали.

— Все просто, господин генерал,— улыбнулся Стогов,— за то, что «лично повел свой резерв в контратаку», когда германцы заняли высоту девятьсот девяносто на Козионовской позиции на Карпатах. После этого меня назначили генерал-квартирмейстером Восьмой армии.

— Надо жить настоящим, Николай Николаевич!

— Согласен. Будем трудиться.

P.S. Судьба генерал-майора Стогова общеизвестна. Он занимал руководящие должности в различных объединениях белой эмиграции. Сведений о его сотрудничестве с нацистами во время оккупации Франции нет. Скончался в 1959 году и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

А вот о судьбе его семьи, оставшейся в России, после 1923 года достоверной информации нет. Следователь ОГПУ А. Киреев допрашивал также сестру Е. Н. Стоговой Надежду, но та ничего нового о своем отце сообщить не смогла. Судьбы брата Николая и старшей сестры Татьяны также не известны. А вот о Екатерине поговаривали, что она вышла замуж за того самого следователя ОГПУ Лешу Киреева. Его, якобы, за это уволили из ОГПУ. Их следы затерялись на бескрайних просторах России.